

АЛЕКСАНДР МАЗИН
ПАВЕЛ МАМОНТОВ · ОЛЬГА КОХАНЕНКО · АЛЕКСЕЙ БУЦАЙЛО
АННА ГУРОВА

ЛОВЦЫ ДУШ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л68

Серия «Славянское фэнтези»

Серийное оформление: *Юлия Межова*
Иллюстрация *Михаила Емельянова*

Автор проекта *Александр Мазин*

Л68 *Ловцы душ.*— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 412,
[2] с. (Славянское фэнтези).

ISBN 978-5-17-112607-0

Старый ведун из Полоцкого княжества, именуемый Волчий Пастырь, шаман-нойда, говорящий с мертвыми, юный княжич Сеслав, которому назначено смертельно опасное испытание, боярышня, угодившая в тенета ведьмы, ловкий и бесстрашный охотник Корт... Всех их объединяет одно: их путь рядом с Кромкой, границей, разделившей мир живых и мир мертвых. Здесь сказка становится реальностью. Здесь нет ни добрых, ни злых, а есть лишь беспрестанная борьба за власть над человеческими душами, своими или чужими. Это совсем не то колдовство, которое придумывают авторы фэнтези. В этом мире оно исконное: языческое, беспощадное, дремучее, как древнерусские леса, полные нежити и проклятий, только и ждущих, чтобы неразумие или жадность дали им свободу.

© Александр Мазин, текст, 2019
© Павел Мамонтов, текст, 2019
© Ольга Коханенко, текст, 2019
© Алексей Буцайло, текст, 2019
© Анна Гурова, текст, 2019
© Михаил Емельянов, ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Александр Мазин

ВЕДУН

Бурый сидел на лавке, прикрыв глаза. Но все равно видел и стол, и чашку с зельем, и свою беспалую руку на черной столешнице. А кабы и не видел...

Черные стены, черные руки, черное зелье... Все черное.

Всегда черное. Черная изба, где жил мальчонкой. Черные растрескавшиеся бревна, черный, клочьями, мох.

Такой путь. Такая слава. Черная.

Жалел ли он? Нет. Теперь — нет.

Кому-то должно стоять между Явью и Навью. Тяжко, но любо. И любо знать, что ты не колдун-кошун, бормотун заклятий, варщик зелий. Когда ты — Сам. Когда ты — Бурый.

Добра ушедшему за Кромку Дедке, что углядел его среди прочих и не погубил: вылепил, выковал, как куют меч из крицы болотной руды.

Бурый улыбнулся. Он редко улыбался. А кто видел его улыбку, не улыбался в ответ — вздрагивал. Но тут как не улыбнуться. Все черное, а он — Бурый.

Вспомнилось давешнее. То, как продали его еще мальчонкой страшному ведуну...

Глава первая

Рядились батька с ведуном не на подворье, за воротами. И Малец тут же стоял. Не разумел ничего. Не понимал: почему с гостем — на улице?

А вот батька знал, верней, думал, что знал. Смердьё поверье: кто колдуна на подворье пустит — беду накличет.

Знал не знал, а, как углядел Малец Дедку, сердечко в пятки ушло. До того перепугался, что ручонку из батькиной ладони выдернул и дал бы деру, да пойман был за вихры. Пойман и вытолкнут наперед.

Ох и страшный Дедко. Сутулый, ручищи мало не по земле метут, космы — шерсть медвежья, рожа, что блин. От оберегов страшных шея гнется. Ясно, чужак! А уж глазищи! Чисто прижмурившийся филин. У людей *таких* не бывает...

— Этот? — Батя отвесил Мальцу подзатыльник.

— Угу,— проскрипел чужак.— Уговор?

В заскорузлой, как сухая земля, ладони блеснуло серебро.

— Уговор,— сиплодохнул батя, принял монеты, оглядел подозрительно: вроде настоящие. Не колдовские.

— А то, может, еще кого возьмешь? — спросил он.— Сей шестой у меня, да не последний. Может, еще девку? До пары?

— Нет, человек, мне этот нужон...— и, помедлив, спросил: — Не жаль сынка-то?

— А чё жалеть? — Батька нахмурился.— Все одно за зиму один умрет. Может, он как раз... Бери, слышь! — Он толкнул Мальца вперед, и тут же клешнястая, без двух пальцев, лапа замкнула тощую ручонку.

— Да ты, это, хоть не убьешь его? — вдруг обеспокоился батька.

И сам тут же смутился. Уже ведь продал...

— Там поглядим,— буркнул Дедко.— Мож, и выживет. И пошел.

Малец упирался, босые ноги елозили по мокрой траве, а колдун словно и не замечал. Шел себе и шел.

— Ну тады ладно! — крикнул вслед батька и воротился во двор.

Малец перестал сопротивляться, смирился и полушагом-полубегом потрусил рядом. Только раз, перед поворотом, оглянулся, впитал взглядом родное: кривоватый частокол с узкими воротами, пятна огородов, желтые поля подалее, дюжину овечек, каждую из которых знал поименно, младшего братца Нишку, глядящего вслед, раззявивши рот...

Глянул и заплакал.

Шли долго. Весь день. Лугами, бором, болотом. Сначала знакомым лесом, потом — чужой чашбой. Такой, что неба совсем не видать.

Чужой лес шептал и ворчал, давил и путал, трогал за тылок лапками вьющейся нежити.

Дедко давно отпустил его руку, но Малец и не думал сбежать. Поспевал за Дедкой изо всех сил. Сжимал в руке Мокошев оберег: заговоренную заячью косточку, шевелил губами непрерывно: защиты просил. Вслух — боялся. Дедко услышит и осерчать может. Такие, как он, за Кромкой ходят. У них свои боги.

А может, и он теперь уже за Кромкой?

От этой мысли Малец весь потом покрылся, замер в ужасе...

Но тут же опомнился. Увидел, как удаляется сутулая спина в грязно-белой меховой безрукавке, и сообразил: в Нави они или в Яви, а Дедко сейчас — его единственная защита.

Квечеру Малец совсем умирался. Так устал, что даже страх куда-то подевался.

Хотя понятно куда. Он теперь — Дедкин. А Дедко в лесу — как баба в своей избе. И тропы ему открываются, и нечисть, и нежить от него прочь бежит, как мыши от метлы.

А когда на отдых встали, Мальцу совсем хорошо стало. Дедко его покормил, и богато. Лепехами медовыми, копченым мясом, даже бражки глотнуть дал.

От бражки Малец развеселился. Должно быть, не простая бражка была, потому что от нее бодрость пришла, и побежал Малец за Дедкой легко, как олененок за мамкой.

До Дедкиной избы добрались за полночь. Изба Мальцу не показалась. Покосившаяся снаружи, внутри же пустая и черная.

Внутри не хотелось совсем. Внутри казалось страшней, чем в лесу.

Дедко хрюкнул недовольно, ухватил за руку, втянул в избу, толкнул на лавку, затворил дверь, подошел к печи, высек огонь.

Вот что значит ведун-колдун. Совсем богов не боится. Сам домашнее пламя творит. У людей-то в домах огонь — летошний. Настоящий. А угаснет по нерасторопности — у своих возьмут. Такой же.

А этому божье благословение — ништо.

— Гори, гори жарко, дровишек не жалко, — ворчал-напевал колдун. — Со мха на лучинку, с лучинки на сучок, с сучка на полешко, разгорайся, не мешкай!

И загорелось. Удивительно быстро. Видать, от наговора кодовского.

От большого огня Дедко затеплил и малый. Да не лучину, а медную, наполненную жиром мису с ровным фитильком. Поставил на стол, сам сел напротив. Так, чтоб огонь был между ними. Высыпал на стол остатки дорож-

ной еды, бурдючок с бражкой. Набулькал в чашку, подвинул Мальцу.

Тот не отказался. Кто ж от бражки откажется, да еще такой духовитой, сладкой?

Тем боле что раньше никто Мальца бражкой и не поил. Только понюхать.

— Знаешь, кто я?

— Колдун,— пробормотал Малец.

— Ведун,— строго поправил Дедко.— Не боишься, что съем тебя?

— Не-а.

Дедко хохотнул:

— Откуда знаешь?

— А знаю вот! — От его смеха мальчик слегка приободрился.— Глаза чай есть.

Нахально ухватил со стола кус лепехи. Разгрыз с хрустом.

— Вижу, что есть...— проскрипел Дедко.— Но это — куда.

Малец замер. Крошки просыпались изо рта. Испугался.

Подумал сам себе: кто ж купленного раба портить станет?

Не помогло. Страх пришел, аж живот скрутило. Есть совсем расхотелось.

Дедко из-за стола встал, к печке подошел, возился там, готовил что-то. Малец не видел, что. Но точно не снеть.

Дедко сидел на корточках к Мальцу спиной, и тот, решившись, встал и потихоньку двинулся к двери. В чужом лесу страшно, но здесь — еще страшней. В лесу он уж как-нибудь. Серый, чур ему, не съест, а от нечисти у Мальца знак тайный есть. Братья старшие показывали. А тут — пропасть.

— Сел назад! — хлестнул окрик.— Резов! Сел, сказано! Я ты и спиной вижу!

Малец поспешно вернулся на лавку.

— И запомни,— продолжал Дедко.— Вдругорядь говорить не стану: в рака обрашу да в кипяток брошу. А потом съем.

— Ты ж батьке обещал не убивать...— робко напомнил Малец.

— А что мне твой батька? — усмехнулся Дедко.— Я и батьку твоего могу — в рака! — И, вставши, снял со стены ремень.

— Драть будешь? — испуганно спросил мальчик.

— Драть? Хм-м... То батька с мамкой тебя драли. А я, ежели забалуешь, ножик возьму да таких вот ремешков со спины твоей нарежу и на сучок повешу. Токо ты не забалуешь. Без глаз-то...

— Чё? — скорее удивился, чем утрастился Малец.

И тут колдун ловко опрокинул его на лавку, придавил коленом и прикрутил ремнем. Накрепко. Даже лоб перехватил.

Привязал, взял нож и сунул в огонь.

Скосив глаза, Малец видел, как постепенно наливаются красным искривленное острие.

— Ты что ж, впрямь очи мне выткнешь? — догадался Малец.— Ой не надо, дедушка миленький!

— Надо.— Колдун глядел на нож.

Решив, что накалилось достаточно, вынул лезвие из огня, подошел к мальчику.

— Ой, дедушка, добрый, хороший! Не буду я бегать! Ой, не надо!!! — истошно завопил Малец.

— Не надо, баишь? — Раскаленный кончик ножа, источая жар, застыл у переносицы.

Мальчик перестал рваться, замер, глядя на красное жало скошенными глазами.

— Молодец! — неожиданно одобрил колдун. И отодвинул нож от лица.— Коли не заплачешь — резать не буду.

А все ж очи твои надобно перетопить. Больно ярки, сини. Мне такие не надобны.— Помолчал. Затем продолжил: — Больно тебе будет. А ежели закричишь или заплачешь — быть тебе слепу. Разумеешь?

Мальчик не отвечал.

— Ну?

Малец моргнул, не в силах слова вымолвить. Белый стал, как снятое молоко.

Дедко бросил нож на стол, шагнул к печи, взял горшочек.

— Не кричать! — напомнил еще раз.— Не то — без очей!

И, зачерпнув вязкого грязно-бурого месива, вдруг с размаху плюхнул на глаза Мальца.

Мальчик успел зажмуриться, но все равно жгучая боль достала. Содрогаясь, он вцепился в края лавки. Он помнил: кричать нельзя. А боль была такая, что никак не сдюжить. Заполнила всю голову. Показалось, глаза расплавились и вытекли на щеки. Что эта жижа кипит в глазницах вместо глаз...

Но Малец не кричал. Прокусив губу, сжавшись, выдавливал из себя вопль, выпускал его чрез зубы, обращая в тихий жуткий вой...

Сколько длилось, Малец не помнил. Долго. Он то проваливался куда-то, то выныривал, приходил в себя. Иногда старик вливал немного воды в рот и напоминал: нельзя кричать. Да он бы уже и не закричал. Боль притупилась. Больше пугала мысль: глаза все-таки вытекли от жара и он ничего больше не увидит, кроме этой красноты.

Глаза не вытекли.

Кодун умыл его водой, что тоже было ужасно больно. Потом взял его руку, положил на лицо:

— Потрогай.

Малец потрогал и убедился с облегчением: глаза на месте. И веки на месте. Только трогать больно. И не видно ничего, всё красное.

— Молодец! — одобрил ведьмак.— Не кричал. Вот и глаза сохранил.

— А видеть смогу? — набравшись смелости, спросил Малец.

— То подождем,— раздался будто издаля голос колдуна.— Может — да, может — нет. От тебя зависит.

«Как же от меня?..» — хотел спросить Малец, но вдруг уснул.

Зрение вернулось. Только глаза уж не были прозрачными. Потемнели.

Глава вторая

Видение померкло. Ведун сидел, потупясь. Теперь-то он знал, почто пытал его Дедко. Крицу тоже в огне жгут да молотом бьют. Чтоб шлак выбить, чтоб форму правильную обрела. Так и Дедко — с ним. Глаза — первое испытание. Первое и не самое тяжкое. Были и иные. Пощащней.

Но после того, первого, Дедко его долго не мучил. Хотел, чтоб окреп Малец. Так что жилось ему поначалу хорошо. Совсем хорошо. Кушай, сколько влезет, спи вволю. А к зиме ему Дедко одежду подарил. Дорогую. Такой у них в сельце даже у старосты не было. А еще сапожки теплые купил. В таких и мороз — не мороз.

От сытой жизни Малец сразу в рост пошел. Сил прибавилось изрядно.

Когда Малец с прежней родней жил, они в холода больше в избе сидели, в духоте, темноте да копоти. А на улицу выбегали по нужде или на чуть-чуть. Пробежаться — и обратно. Валенки у них были — одни на троих, и полушубок тоже.

С Дедкой — не так. В избе они и зимой не сидели. Дедко Мальца по лесу водил. Много. Ходить учил, глядеть правильно. Не по-людски, по-ведьмачьи. Научил немного.

В общем, хорошо жилось. Дедко, хоть и грозился, а бил Мальца редко. За тугодумие разве. Да и то не каждый день.

Работать, правда, тоже приходилось немало. И работа была не та, что в отчем доме. Скотины у Дедки не было никакой. Ни скотины, ни живности. Даже пса во дворе. Зачем пес тому, кого волки днем и ночью сторожат? Выйдет утром Малец из дому облегчиться, глядь, а на подворье — следы. И вокруг хутора тоже. Всегда одни и те же. Но большая стая. Сорок три серых. Малец теперь хорошо считать научился. В ведовском деле без этого никак. Всё по счету, что в заговорах, что зелья варить. А варить — приходилось. И варить, и травы да порошки растирать в пыль мелкую, и зверье потрошить правильно, чтоб нужную часть взять.

Зверье Дедке волки носили. Делились. Раньше Малец думал, что это Дедко их прикармливает. Ошибся.

Волков Малец боялся. А как не бояться? Это Дедко с ними — как с псами домашними, а Малец для них — пища. Дедко так ему и сказал. «Ты — пища. Но ты — моя пища, потому без моего дозволения тебя не тронут».

С намеком сказал. Если вдруг вздумается Мальцу бежать.

Бежать, однако, не хотелось. У Дедки сытно, интересно, а порой и весело. А что страшно, так это пока. Вот выучится Малец, станет ведуном, тогда уж его все бояться станут.

Эта мысль грела не хуже меховой шубки. И забылось понемногу, как Дедко ему очи запекал.

И уже не верилось, когда Дедко внушал, нацелив Мальцу в глаз палец: «Страх, он теперь навсегда с тобой, малой. У волчка — вой, у ведуна — страх. И в нем, внутри, и вокруг него. Как он уйдет, так и ты уйдешь за Кромку».

«Ты, что ли, тоже смерти боишься?» — спросил Малец.

«А то. Я ведь живой покуда. Иль ты думаешь, не я это, а мертвец костеногий?»

И захихикал. Пошутил, значит.

А Мальцу — не смешно. А вдруг Дедко и в самом деле — мертвец? С ним ведь ничего не знаешь доподлинно. Он же ведун. Ведуны за Кромку шастают, как блудливый кошак — на соседний двор. Хоть по Калинову мосту ходят, хоть напрямки. Им людской покон не указ. У них — свой. Помер, ожил — и снова по земле живых ходит.

Такой вот он, Дедко. Не поймешь, то ли врет, то ли пугает, то ли правду говорит. Хотя его правда такая иной раз, что лучше бы врал. Вот как тогда с ведьмой было.

А было так.
Дедко разбудил Мальца среди ночи.

Молча бросил ему свиту, шапку и шубу.

Малец так же молча оделся. Обул меховые сапожки, которые Дедко ему справил к зиме, черпнул ледяной водицы из кадушки, мазнул по лицу, прогоняя сон.

Уже выходя, увидал, как Дедко вгоняет в притолоку заговоренный ножик.

Ножей у Дедки много. Но три — особенные. Один жизнь пьет, другой силу, третий — храбрость. На каждом — заговор, в каждом — душа скованная, голодная. Так Дедко говорил. И трогать эти ножи без дозволения

никому нельзя. Не то умрешь смертью страшной, а душу Морена проглотит.

А еще Малец видел, как ведун ножи зельями смазывал.

В притолоке Дедко оставил тот, что от храбрости. Значит, уходят они нынче надолго.

Нет, не уходят, уезжают.

Во дворе ждали большие санки, запряженные парой мохнатых лошадок. При санях трое: вой в полушубке, с копьем и надетым поверх шапки круглым шлемом, муж из господ, важный, с серебряной гривной на шее, и еще возничий. Этот, похоже, из холопов.

— Малого зачем? — проворчал недовольно тот, что с гривной.

— Ведьме на приманку,— отозвался Дедко, закрывая дверь в дом и подпирая ее полешком.— Ведьмы, они до молоденьких лакомы! — И подмигнул Мальцу.

Тот как всегда не понял: шутка или вправду, но всё же решил не пугаться. Дедко — хозяин рачительный. Стал бы он Мальца пестовать, чтоб после скормить какой-нибудь гадине?

— Садись, сиротинка,— вой шуйцей подхватил Мальца за ремешок и усадил внутрь саней. Заботливо прикрыл овечьим одеялом.— Он, небось, шутит, хозяин твой?

Лицо у воя широкое, борода — во все стороны, усы в сосульках, глазки маленькие, плечи широченные.

Малец дернул плечом.

— Шутит, шутит,— заверил вой, прыжком перемахнув через бортик саней и устраиваясь рядом.— Стал бы он тебя как боярича наряжать, если б ведьме подарить мыслил.

Малец закивал. Точно так и он думал.

А вот Дедко — нет.

— Вот тут ты верно сказал, человек,— проскрипел ведун, устраиваясь с другой стороны мальца.— Одежку-то снять придется. Не то замарается.

Возничий свистнул, лошадки тронулись не спеша. Малец тут же задремал, прислонившись головенкой к воевой руке...

И проснулся от недовольного ворчания Дедки:

— Что они у тебя как дохлые, человек? Кормишь плохо? Этак мы до послезавтра ехать будем.

— Притомились коники, ведун, сам, что ли, не видишь? — так же ворчливо отозвался возничий. Щелкнул кнутом раз, другой.

Без толку. Сани так же неторопливо тащились по лесной дороге, ныряя в ямы, подскакивая на буграх.

— Мы к тебе еще засветло выехали, — словно извиняясь за что-то, проговорил вой. — Как узнали про ведьму, так и поспешили.

— Ко мне, значит, спешили, а теперь — не торопитесь, — буркнул Дедко.

— А что теперь спешить? — вой смял бороду, раскroшив сосульки. — Вот если бы тебя не застали, тогда пришлось бы еще кого искать. А теперь точно поспеем. Ведьма нам сроку до следующего заката дала. Откуп собрать.

— Так и откупились бы, — лениво проговорил Дедко. — Я чай тоже не за «благодарствую» помогать буду.

— Так тебе дашь — и ты уйдешь, — вмешался муж с гривной. — А ведьма как присосется, так пока досуха не высмоктает, не отпустит.

— А может, и не ведьма она, — так же лениво продолжал Дедко. — Может, дурит вас?

— Не-е! — уверенно возразил муж с гривной. — Чаровница исконная. Батя мой, староста наш, ей княжким гневом пригрозил, так она на него палкой махнула и испортила. Слег батюшка и не встает, хотя допрежь крепок был. Она, дрянь такая, на всех в деревне пообещала порчу напустить, ежели не откупимся.